

Николай Лузан

КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ

Мир шпионажа

Николай Лузан

Кто, если не мы

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Лузан Н. Н.

Кто, если не мы / Н. Н. Лузан — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ",
2015 — (Мир шпионажа)

В основу рукописи положены драматические события августа 2008 года, и последующая деятельность руководства Департамента военной контрразведки ФСБ России, и одного из его головных управлений в период проведения в российской армии сложной, далеко не однозначной и болезненной реформы 2008–2012 годов. Эта их многогранная деятельность проходит на фоне борьбы с иностранными спецслужбами, в первую очередь с ЦРУ, по предотвращению утечки важнейших оборонных секретов и современных военных технологий. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

© Лузан Н. Н., 2015
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2015

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Лузан

Кто, если не мы

Глава первая

08.08.2008

Новороссийск, 08.08.2008

Короткая летняя ночь подходила к концу, яркая россыпь южных звезд потускнела, блеклый диск луны грустно подмигнул серыми глазищами космических морей и скрылся за зубчатой стеной гор. Небо и море налились густой синевой, ветер стих, и воздух, казалось, стал недвижим. В наступившей тишине несмело, чуть слышно прощебетали птицы и смолкли. Все живое замерло в ожидании нового дня.

Прошло мгновение, робкий солнечный луч окрасил кромку горизонта в нежно-розовый цвет. Воздух пришел в движение, и, как по мановению дирижерской палочки, птицы дружно защебетали на разные голоса. Гигантская размытая тень гор, безмятежно покоившаяся на глади Цемесской бухты, пошла изломами. Море вспенилось седыми барашками и грозной волной обрушилось на гранитные скалы; они же невозмутимо взирали на это буйство, и оно смирилось и сердито шипя, расплескалось по берегу. Новый день вступил в свои права.

Новороссийск не спешил просыпаться и продолжал нежиться в утренней прохладе. Морской бриз, шаловливо поиграв портьерой в настежь распахнутой двери балкона квартиры командира 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии генерал-майора Колпаченко, похозяйски прошелся по гостиной, затем заглянул в спальню и зашелестел страницами открытой книги. Александр приоткрыл глаза, бросил взгляд на часы – стрелки показывали четверть пятого, и снова погрузился в сладостный сон.

Пошли третьи сутки отпуска, ставшего для него полной неожиданностью. Еще неделю назад генерал не мечтал о такой милости старших начальников и готовился проводить его, как обычно, в «бре». Но в его планы на этот раз, к счастью, вмешалась удача.

4 августа завершились учения «Кавказ. Стабильность-2008». Они, а больше подготовка к ним, отняли у Колпаченко немало здоровья и нервов. Для него и сотен других командиров это были не просто очередные учения, а суровый экзамен, который устроил недавно назначенный на должность министра обороны страны Анатолий Сердюков. И не просто министр, а человек сугубо гражданский, с приходом которого в армии началась болезненная и давно уже назревшая реформа. Он, невзирая на прошлые заслуги и чины, открытые демарши и скрытый саботаж отдельных генералов, беспощадно и решительно перестраивал армию на новый лад.

Эти первые итоги перестройки громадой неуклюжей военной машины проявились в ходе учений и оказались плачевными для значительного числа командиров. Они со своим устаревшими подходами к организации боевой деятельности войск, в глазах Анатолия Сердюкова, не вписывались в облик будущей армии и потому вынуждены были писать рапорта на увольнение. Колпаченко и десанникам повезло больше: министр промолчал, а у начальника Генштаба генерала Николая Макарова нашлось для них даже несколько добрых слов. Его похвала стала своего рода индульгенцией для командующего воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта Валерия Евтуховича. На радостях, что подчиненные не сплеховали, а «сердюковская коса» не коснулась его головы, он в тот же день поощрил Колпаченко и ряд других командиров, предоставив им отпуска.

5 августа, отправив дивизию к месту постоянной дислокации в Псков и передав управление ею начальнику штаба полковнику Арутюну Дарбиняну, Колпаченко в тот же день выехал

к семье в Новороссийск. Там после восьми месяцев разлуки его с нетерпением ждали жена Антонина и сыновья Максим и Иван. В первое время он, следуя шутливому совету старого друга – заместителя командующего ВДВ генерал-майора Вячеслава Борисова, не читал газет, не смотрел телевизор, пытался не думать о службе, а отсыпался после бессонных ночей и наслаждался покоем.

Но она – служба не отпускала Александра. 8 августа в 5.30 у него сработал внутренний будильник. По старой армейской привычке, вошедшей в плоть и кровь еще с курсантских времен, он отбросил простыню на спинку кровати, рывком поднялся, опустил ноги на пол и тряхнул головой.

«Так, во втором полку надо проверить план батальонного учения, в третьем – взять на контроль техобслуживание техники, потом разобраться с... – первое, о чем подумал Колпаченко и спохватился: – Стоп, Саша! Хватит воевать! Ты же в отпуске! Ты дома!...» – на его лице появилась блаженная улыбка. Он с нежностью посмотрел на жену: Тоня, свернувшись калачиком, сладко посапывала, ее припухшие губы сложились бантиком, а на щеке проступил нежный румянец, поправив, сползшую с ее плеча простыню, прилег рядом. И тут заработал, молчавший все последние дни, служебный сотовый телефон. На дисплее высветилось «Борисов».

«ЧП в дивизии?!.. Или.» – но об этом Колпаченко не хотелось даже думать. Однако звонок Борисова подтверждал наихудшие предположения: по пустякам в столь ранний час, тем более, зная, что он в отпуске, тот не стал бы беспокоить, и сердце Колпаченко екнуло. Они слишком хорошо знали друг друга. Впервые военная судьба свела их в далеком 1987 году в Афганистане. Там выпускники Рязанского военного воздушно-десантного училища капитан Борисов и старший лейтенант Колпаченко не в теории – на учениях, а на практике – в бою познали цену жизни и цену смерти, там родилось их боевое товарищество. С возвращением на родину война для них не закончилась, она настигла друзей на родной земле. Вместе с подчиненными им, подобно пожарникам, пришлось тушить ее испепеляющий жар то в Азербайджане, то в Грузии, то на Северном Кавказе. И только осенью 2001 года, после разгрома банд Дудаева в Чечне и Гелаева в Абхазии, для них, казалось бы, наступил мир, но, как оказалось, ненадолго.

8 августа 2008 года эта иллюзия исчезла. Сбывался мрачный прогноз аналитиков из штаба ВДВ и ГРУ: президент Грузии Саакашвили, грозивший непокорным Южной Осетии и Абхазии привести их к повиновению, все-таки решился на военную авантюру. Александр, стараясь не потревожить жену, стремительно прошел на кухню и ответил на вызов Борисова.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

– Здравствуй, Александр Николаевич, – ответил тот и, прокашлявшись, как-то отстраненно поинтересовался: – Ты чем занимаешься?

– Как вы и рекомендовали, товарищ генерал: газет не читаю, телевизор не смотрю, писать ничего не пишу и о службе пытаюсь не думать.

– Понятно. Теперь, Саша, про тебя напишут в недружественной нам зарубежной прессе.

– В каком это смысле, товарищ генерал?

– В Южной Осетии и Абхазии резко обострилась обстановка.

– Что, серьезные провокации?

– Хуже, – пройдясь крепким армейским словом по президенту Грузии, Борисов глухо обронил: – В Цхинвале идут бои!

– Чт-о?! Сцак, он что, совсем охренел?! – Колпаченко не мог поверить, что в Южной Осетии началась война.

Действительность оказалась намного ужаснее, чем он себе мог представить. Президент Саакашвили, наплевав на международные нормы, действовал вероломно и нагло. На горстку ничего не подозревавших российских миротворцев и мирно спящий город он бросил двенадцатитысячную, вооруженную до зубов, армию. Решиться на войну в день открытия Олимпи-

ады в Пекине мог только отъявленный подлец и наглец. Масштабные учения Российской армии на Северном Кавказе «Кавказ. Стабильность-2008» – это недвусмысленное предупреждение политического руководства России – «ястребы» в Тбилиси самонадеянно проигнорировали. Полагаясь на политическую и военную поддержку США и НАТО, Саакашвили рассчитывал покончить с мятежными республиками за несколько суток.

«Все-таки война!» – подумал Колпаченко и поежился.

Подтверждение тому прозвучало в словах Борисова.

– Мерзавцы! Похерили мандат ООН! «Градами» бьют по южному лагерю миротворцев! Грузинский спецназ в Цхинвале, и валит всех подряд! Эта сволочь Сцак... – негодовал он и проклинал Саакашвили.

– Там же дети? Там же старики? Как же. – у Колпаченко больше не нашлось слов.

Перед его мысленным взором полыхал пожарищами и вздыбливался к небу зловещими черными тюльпанами Цхинвал. С господствующих высот артиллерийские расчеты грузинской армии методично, как на учебном полигоне, подавляли один за другим очаги сопротивления югоосетинского ополчения. Одновременно отборные командос, натасканные в Ираке и Афганистане, бронированными клиньями вгрызались в зыбкую оборону защитников города и к рассвету 8 августа полностью блокировали южный лагерь российских миротворцев.

Командир батальона подполковник Константин Тимерман вместе с подчиненными и приданным ему подразделением армейского спецназа оказывали отчаянное сопротивление. Несмотря на тяжелые потери – в первые часы боя погибли 14 человек, они стояли насмерть и не позволили грузинской армии продвинуться ни на шаг. Эта непредвиденная заминка ломала тщательно разработанный советниками из НАТО и Генштабом Грузии план военной операции «Чистое поле» – захвата Южной Осетии. Цхинвал и Рокский тоннель, связывающий ее с Россией, несмотря на большие потери, агрессору взять с ходу не удалось.

Страшась услышать убийственный ответ, Колпаченко, внезапно осипшим голосом, спросил:

– Товарищ генерал, тоннель чей?

– Пока наш, но положение тяжелейшее. Миротворцы и группа спецназа отбиваются из последних сил. 58-я армия Хрулева на марше, но когда дойдет до Цхинвала – только одному богу известно! Поэтому, Саша, как говорится, «Никто, кроме нас!».

Однако для Колпаченко, и без этого напоминания, не существовало иного выбора: как забыть про свои 52 года, про предстоящее увольнение и стать в один строй с теми, для кого высшей ценностью являлась верность присяге и духу святого войскового товарищества. Борисов говорил что-то про увольнение, что в житейском плане он может его понять, а Колпаченко всеми своими мыслями был уже там, в Пскове, с подчиненными и объявил:

– Товарищ генерал, я немедленно вылетаю в Псков и принимаю командование дивизией на себя!

– Спасибо, Саша, другого решения я и не ждал, – потеплевшим голосом произнес Борисов и после продолжительной паузы, с трудом подбирая слова, продолжил: – Ну, ты там, с Тоней, как-то... В общем, объясни, что ненадолго.

– Товарищ генерал, вы же ее знаете. Она жена боевого, а не паркетного генерала.

– Все так, Саша. Теперь по существу, – перешел на деловой тон Борисов. – В Псков тебе лететь не надо. Твой НИШ занимается отправкой личного состава и техники в Моздок. Встречай на месте и сразу на марш!

– Есть! – принял к исполнению Колпаченко и уточнил: – Товарищ генерал, какова будет задача дивизии в Южной Осетии?

– Задача?! Эти... – Борисов, выругавшись, снова дал волю чувствам: – Какая на хрен задача?! Перестраховщики! Паркетные шаркуны! Все бздыт взять на себя ответственность! Как война, так у нас 41-й год!

– М-да, – только и мог что произнести Колпаченко и, тяжело вздохнув, повторил вопрос: – Так какая будет задача, товарищ генерал?

– Одна задача, Саша, воевать! Своих спасать! Чего тут непонятного?

– Ясно, но это же территория иностранного государства? Тут.

– Что-о?! И ты меня учить собрался?! – вспыхнул Борисов и уже не говорил, а кричал в трубку: – Саня, ты че несешь? Ты че, как те паркетные бздыкуны, за чужие спины прячешься?! Какой на хрен приказ?! Кто его даст? Этот... – связь на миг пропала. – со своим «эскадронном амазонок» бабки пилит. В Генштабе кабинеты и столы делят! Никто ничего толком не знает! Везде бардак! Везде.

Борисов продолжал бушевать, разнося в пух и прах армейских бюрократов и перестраховщиков. А в Колпаченко все кипело от негодования – обвинение в трусости взорвало его, и он, забыв про субординацию, выпалил:

– Слава, я трусом не был и не стану! За чужие спины не прятался и прятаться не собираюсь! Я готов.

– погоди, погоди, Саша! Не лезь в бутылку, – сбавил обороты Борисов и, извинившись, посетовал: – Думаешь, мне тут сладко? Бьюсь как рыба об лед.

Колпаченко, остыв, в душе посочувствовал Борисову: с такими, как у него, вопросами к нему и командующему ВДВ, наверное, обращались командиры других дивизий, и не удержался от главного вопроса:

– Товарищ генерал, а что Верховный Главнокомандующий?

– Верховный? Ему на Параде Победы лень задницу от кресла оторвать! Так чего ты от него хотел? – в сердцах бросил Борисов. – Одна надежда на ВВП. А он в Пекине. Гады, все рассчитали! Под шумок, одним хапком проглотить Осетию. Подавятся. Не на тех напали. Поэтому, Саша, нам с тобой бздеть никак нельзя. Забздим сегодня, завтра хреново всем будет. Эти выблядки рассчитывают, что мы хвост подожжем. Россию хотят в задницу засунуть. Вот им, хрен! Скрутим в бараний рог! Так, Саша?

– Так точно, товарищ генерал! – подтвердил Колпаченко и уточнил: – Чем мне добираться до Моздока?

– Вертушкой. Свяжись с Краснодаром, там у них еще что-то осталось.

– Ясно. Есть!

– Вот и договорились. Встречаемся в Осетии. Я буду в Джаве, там сейчас разворачивается временный КП. Поторопись, Саша, исход войны решают не часы, а минуты. Сволочи, если закупорят Рокский, то мы такой кровью умоемся, что лучше об этом не думать. Я, надеюсь на тебя, Саша.

– Не подведу, товарищ генерал! Сделаю все, что в моих силах! – заверил Колпаченко.

– Этого мало. Надо сделать невозможное, а ты это сможешь! Удачи тебе, Саша! – закончил разговор Борисов.

Колпаченко выключил телефон и какое-то время не мог пошелохнуться. То, что происходило в Южной Осетии, находилось за гранью разумного. В то время как олимпийский Пекин сиял феерическим шоу и купался в море счастливых улыбок, крохотный Цхинвал корчился в нечеловеческих муках и погибал под разрывами снарядов систем залпового огня «Град».

– Сволочи! – сорвалось с губ Колпаченко. После короткого раздумья он набрал номер дежурного по Краснодарскому гарнизону. Ответ для него не стал неожиданным. Корпус, о котором говорил Борисов, попал под каток реформаторов. От вертолетной эскадрильи осталось две машины: одна вылетела во Владикавказ, а другая стояла без лопастей.

«Как война, так у нас 41-й год» – вспомнил Колпаченко слова Борисова и от горечи закрипел зубами. Последняя надежда оставалась на родную в недавнем прошлом новороссийскую 7-ю воздушно-десантную дивизию, где он три года прослужил начальником штаба. Пальцы привычно набрали хорошо знакомый номер, в последний момент Колпаченко остано-

вился: разрешение на вылет, тем более в Моздок, давала только Москва, и застонал от бессилия. Он, командир боевой дивизии, ничего не мог сделать, его по рукам и ногам связывали инструкции и указания, сотнями рождавшиеся в далеких кабинетах «арбатского округа». Колпаченко вскочил со стула и заметался по кухне в поисках выхода.

«Машина? Ага, на УАЗе приедешь как раз к концу войны! Стоп! А Юра? Старый надежный друг, он и черта достанет! Надо звонить ему!» – оживился Колпаченко, пробежался по справочнику контактов, остановился на фамилии Сердюк и нажал на кнопку. Никто не ответил, и он повторил вызов. На этот раз в телефоне зазвучал недовольный, сонный голос:

– Кому эт не спится в ночь глухую?..

– Юра, здравствуй, это Колпаченко. Извини, что беспокою.

– О, Александр Николаевич! – воскликнул Сердюк и уже бодро, по-военному поздоровался: – Здравия желаю, товарищ генерал! Не казни старого полковника, сразу не узнал. Гражданин засасывает как болото.

– Да ладно, Юра, зато богатым буду, – невесело пошутил Колпаченко и поинтересовался: – Как семья? Как дела?

– Семья в строю. Вот внука тебе готовлю. А дела? Ну, какие могут быть дела на гражданке – ворует.

– Как Лена?

– Нормально. Бери Тоню и приезжай, будем только рады.

– Спасибо, Юра, непременно. Я что звоню: мне нужна хорошая скоростная машина.

– Давно пора, Александр Николаевич, не дело генералу на УАЗе ездить.

– Юра, речь не о том, в Южной Осетии серьезная заваруха.

– Чт-о?! Войн... – осекся Сердюк.

– Похоже, так. Среди наших есть потери, – подтвердил Колпаченко.

– Гады! Оборзели в конец! Моська, и на слона?! – взорвался Сердюк.

– Юра, так поможешь с машиной? Мне своих надо встречать в Моздоке! – перебил его Колпаченко.

– Машина? В Моздок?! А где вертушки? – ничего не мог понять тот.

– Долго объяснять, сам знаешь, реформа в армии. Так как с машиной?

– Дореформировались! Е... – выругавшись, Сердюк спросил: – Куда прислать?

– Ко мне домой.

– Так-так. – Сердюк перебирал в уме своих знакомых и, остановившись, объявил: – Через час машина будет. Водила, конечно, не Шумахер, но лучшего в Новороссийске не найти. Звать Гриша Гогоберидзе.

– Грузин, что ли?! – удивился Колпаченко.

– Грузин, но наш грузин. Классный парень, не подведет, – заверил Сердюк.

– Ну-у, дела, кому скажешь, так не поверит. Русского генерала на войну с грузинами везет грузин. Довбанные политики! Чтобы их б... – в сердцах бросил Колпаченко.

– Не то слово, Саша! Двадцать лет назад мы о таком даже подумать не могли. Что творят? Сволочи! Я бы этого сукина сына Сцака за яйца подвесил.

– Подвесим, не мы, так грузинский народ. А за машину, Юра, спасибо, – поблагодарил Колпаченко.

– Саша, давай я с тобой. Помнишь, как в Чечне? Соберу казаков и вперед!

– Нет, Юра, ты свое отвоевал. Это другая война. Извини, но мне надо с дивизией связаться, – закончил разговор Колпаченко.

– Удачи тебе и твоим бойцам, Александр Николаевич. Сверни башку гадам и возвращайся живым, – пожелал Сердюк.

– Спасибо, Юра, все будет путем! – заверил Колпаченко, и теплая волна благодарности поднялась в груди.

В трудную минутку друзья не подвели. Теперь, когда вопрос с транспортом решился, он набрал номер начальника штаба 76-й дивизии. Тот ответил немедленно. В телефоне далеким эхом звучали голоса подчиненных, хорошо знакомые Колпаченко, и непрерывно трещали звонки. На командном пункте дивизии четко и без суеты действовали оперативные дежурные и начальники служб.

Доклад начальника штаба дивизии полковника Арутюна Дарбиняна поднял настроение Колпаченко. Дивизия уверенно становилась на крыло. Из ангаров своим ходом вышла вся боевая техника; личный состав, получив вооружение, готовился к посадке в самолеты. Сказывались боевая выучка и ежедневные тренировки – без своего командира подчиненные действовали как хорошо отлаженная машина. Сердце Колпаченко наполнила гордость, когда он узнал: в строй стали даже те, кто находился в госпитале. В час испытаний боевое десантное братство объединило всех – офицеров и солдат, опытных бойцов и необстрелянных первогодков. Теперь он жил только одним – поскорее занять свое место в строю.

Скрип двери вернул Колпаченко к мирной действительности. Он обернулся, и сердце сжалось. На пороге стояла Тоня. Ее лицо еще сохраняло следы сна, а в глазах плескалась тревога.

– Саша, что случилось?! Кто звонил? Борисов? Сердюк? Чего они хотели? – затеребила она вопросами.

– Все нормально, Тоня. Так, небольшие проблемы, – пытался он успокоить ее.

– Нет, Саша, ты что-то скрываешь? Я по тебе вижу. ЧП в дивизии?

– Понимаешь, Тоня, тут такое дело... – Колпаченко замаялся и, пряча глаза, объявил: – В общем, я выезжаю в Моздок.

– Куд-а? – брови Антонины поползли вверх, изумление на лице сменилось ужасом и с ее дрогнувших губ сорвалось: – Осетия? Неужели война?

Александр промолчал. Но и без слов Антонина своим женским сердцем чувствовала: мужу предстояла очередная командировка, лукаво называемая политиками в «горячую точку». «Точку», где ему вместе с подчиненными приходилось вставать стеной на пути разъяренной толпы, выкуривать боевиков из «крысиных нор» и погибать в подлых засадах. Каждый раз, когда Александр покидал дом, Антонина не находила себе места. И сейчас ее умоляющий взгляд искал его глаза, а с губ срывалось:

– Неужели это война?! Неужели?

– Нет, военный конфликт, – уходил Колпаченко от прямого ответа.

– Но это неправда, Саша! Зачем тогда поднимать твою дивизию?

– Для усиления.

– Какого? Для чего?

– Тоня, все решено!

– Кто решил?! Когда? А ты подумал обо мне, о детях?!

– Тоня, все будет нормально. Оставь свои страхи.

– Саша, Сашенька, ты же собрался увольняться? Зачем тебе это? Откажись!

– Не могу, Тонечка! Не могу, – твердил Колпаченко.

– Саша, тебе 52 года! Ты уже 20 лет воюешь! Пусть воюют другие! Я тебя прошу, откажись! – умоляла Антонина.

– А что скажут ребята? Как я потом буду смотреть им в глаза? Все решено! Юра Сердюк присылает машину, и я выезжаю в Моздок! – отрезал Колпаченко и, бережно отстранив жену, пошел собираться. Антонина потерянно металась по квартире, хватаясь то за одно, то за другое.

Звонок в прихожей положил конец их трудному, мучительному расставанию. Колпаченко решительно направился к двери и открыл. Перед ним стоял лет 27, невысокого роста, худощавый парень. Переминаясь с ноги на ногу, он с характерным акцентом в голосе поздоровался и представился:

– Я, Григорий, от Юрия Вячеславовича, товарищ генерал!

– Заходи! – пригласил Колпаченко в квартиру и, крепко пожав ему руку, поинтересовался: – Где служил?

– В автобате Киевско-Житомирской ордена Кутузова III степени дивизии Ракетных войск стратегического назначения. Замкомвзвода. Старший сержант.

– Значит, бывалый солдат.

– Так точно!

– Ну что, Гриша, придется снова вспомнить службу.

– Я готов, товарищ генерал.

– Спасибо! Для тебя я Александр Николаевич. Жди в машине, я сейчас.

– Может, что поднести, товарищ генерал? – предложил Григорий.

Колпаченко невесело улыбнулся и заметил:

– Э-э, забыл ты, товарищ старший сержант, военному подносят только патроны и чарку, все остальное он делает сам.

Григорий хмыкнул и, развернувшись, направился к выходу.

Проводив его теплым взглядом, Колпаченко возвратился в комнату, и обняв жену за плечи, подвел к дивану и предложил:

– Тонечка, присядем на дорожку.

Она, смахнув с глаз слезы, присела рядом и прижалась к нему всем телом. Александр почувствовал, как оно затрепетало, и к его горлу подкатил колющий комок.

«Милая ты моя! Верная ты моя! Сколько же я тебя буду мучить? Когда все это закончится?» – казнился Колпаченко.

Антонина не выдержала и всхлипнула. Он, боясь показать свою слабость, внезапно осипшим голосом произнес:

– Все, Тонечка, мне пора!

– Саша! Сашенька! Господи сохрани тебя и твоих ребят! – срывалось с дрожащих губ Антонины.

Он, торопливо поцеловав ее, подхватил спортивную сумку – «тревожный чемодан», и поспешил на выход. Во дворе у BMW 5-й модели его ждал Григорий. Забросив сумку в багажник, Колпаченко занял переднее сидение, оно жалобно скрипнуло под весом в 120 килограммов могучего тела, и распорядился:

– Поехали, Гриша!

– А по какому маршруту, Александр Николаевич, через Краснодар или Адыгею? – поинтересовался тот.

– А где быстрее?

– Через Адыгею чуть длиннее, но там движение меньше.

– Значит, через Адыгею.

– Есть, товарищ генерал! – по-военному ответил Григорий и тронул машину.

Быстро выбравшись из города, он, ловко маневрируя, пробился сквозь пробку на перевале у станции Тоннельная, и, вырвавшись на простор, прибавил газу. Серая лента шоссе извивалась по живописным предгорьям. Колпаченко остановившимся взглядом смотрел перед собой и не замечал красот Южной Кубани: густых лесов, подернутых легким золотистым налетом увядающей листвы, оранжевого моря полей подсолнечника, раскинувшихся до самого горизонта. Он не слышал мелодичной, берущей за душу, казачьей песни, которую пели бригады девчат, собиравшие помидоры.

Перед глазами генерала стояли иные сцены – чудовищные по своей жестокости и бессмысленности: объятые огнем пожарищ дома, искореженные гусеницами танков остовы машин, истерзанные осколками и собаками, распухшие на жаре и издающие непереносимый смрад, трупы людей. Все это повторялось в выжженном палящим солнцем афганском Канда-

гаре, в благодатных субтропиках Абхазии, в мрачных развалинах Грозного. И этому безумству и жестокости человека не было видно конца.

Резкий толчок заставил Колпаченко встрепенуться. Григорий резко ударил по тормозам и чертыхнулся. Из кустов на дорогу вальяжно выплыли два милиционера. Капитан, лениво помахивая жезлом, неспешно приближался к BMW.

– Чертовы доишники! Теперь будут доить по полной программе! – в сердцах воскликнул Григорий.

– Все будет нормально, Гриша, мы же не на свадьбу едем, – развеял его опасения Колпаченко.

– Хорошо, если только подоят, а то еще в ментовку потащат, – продолжал сокрушаться Григорий.

Колпаченко бросил нетерпеливый взгляд на часы. Стрелки неумолимо отсчитывали драгоценные для него секунды и минуты, а капитан-милиционер, как нарочно, тащился будто черепаха. Оценивающим взглядом прошелся по машине, номерам, и его глаза алчно блеснули. Небрежно козырнув, он представился и потребовал у Григория права. Тот потянулся к документам.

– погоди, Гриша! – остановил его Колпаченко и обратился к милиционеру: – Товарищ капитан, водитель здесь не причем. Все вопросы ко мне.

– Че-го?! – промычал милиционер и, наклонившись, заглянул в салон.

Его физиономия вытянулась, и от вальяжности не осталось следа, когда перед глазами возникла генеральская звезда. Забыв про Григория, его права, милиционер вытянулся в струнку под грозным взглядом генерала.

– Вас как звать, товарищ капитан, – вывел его из столбняка Колпаченко.

– Э-э... Анатолий, – пришел в себя милиционер.

– Где служили?

– В ПВО.

– Тоже войска. Так вот, Толя, извини, что нарушаем правила, я спешу на войну.

– Че-о? На какую еще войну?! – на лице капитана отразилась целая гамма чувств, губы дернулись, обнажив хищный оскал, и он сквозь зубы процедил: – А-а, шутники? Ну, щас пошутим.

– Товарищ капитан, мне не до шуток! Армия Грузии штурмует Цхинвал! Там гибнут наши ребята! – повысил голос Колпаченко.

– Че-о?! Ка-к?! – опешил милиционер.

– А вот так, Толя, скоро в новостях узнаешь.

– Ну-у... – только и мог что выдавить из себя капитан, а когда пришел в себя, взял под козырек и спросил: – Товарищ генерал, чем могу помочь?

– Толя, время дорого, не задерживай, – поторопил Колпаченко.

– Да, да, конечно, поезжайте, – засуетился милиционер и махнул жезлом.

Григорий завел машину и тронул с места.

– Стойте! Стойте! – крик Анатолия заставил его нажать на тормоза. Забыв по фуражку, слетевшуюся с головы, капитан продолжал бежать и размахивать руками.

Открыв дверцу, Григорий выглянул и проворчал:

– Ну, че тебе еще?

– Товарищ генерал, поезжайте за мной! Я обеспечу вам зеленую улицу! – предложил капитан.

– Зеленую? Вот это по-нашенски, по-русски! Спасибо, Толя! – поблагодарил Колпаченко.

Капитан бегом возвратился к своей машине, и через минуту, под вой милицейской сирены, Колпаченко и Григорий на бешеной скорости понеслись к цели – к Моздоку. На пути к нему подвижные посты ГИБДД передавали их друг другу, как самую бесценную эстафету.

Вероломная, подлая война, развязанная тбилисскими правителями против Южной Осетии, привела в движение гигантские народные силы.

Первой забурлила Северная Осетия-Алания, за ней – Северный Кавказ, а потом всколыхнулась вся остальная Россия. Десятки тысяч добровольцев, стихийно организовавшись в отряды, двинулись на помощь югоосетинскому народу. Его беда, подобно огню в горниле, сметала с душ людей окалину черствости и пробуждала в них, казалось бы, утраченные за последние 17 лет лихолетья и смуты чувство братской солидарности и готовность к самопожертвованию.

Глава вторая

Никто, кроме нас

(для справки: девиз десантников)

В Моздоке обжигающе смертоносное дыхание близкой войны ощущалось повсюду. На дорогах, идущих в Южную Осетию, столбом стояла пыль – это двигались походные колонны 58-й армии. Улицы города патрулировали усиленные милицейские и наряды гарнизонной комендатуры. Въезд на аэродром перегораживали ежи из колючей проволоки. В воздухе непрерывно стоял рев мощных авиационных моторов, тяжелые транспортные самолеты один за другим заходили на посадку. Военная машина России пришла в движение.

На въездном КПП бдительные контролеры тщательно проверили документы у Колпаченко и Гогоберидзе, потом осмотрели машину и только тогда разрешили въезд на территорию части. Не останавливаясь у штаба, они проехали в конец посадочной полосы, где разгружался огромный Ил. Из его чрева с грохотом выкатывались БТР, БРДМ и выстраивались в походную колонну. Прямо на поле аэродрома обустраивался первый десантный полк, здесь же, под маск-сетью, разворачивал работу полевой командный пункт 76-й воздушно-десантной дивизии.

Перед постом десантников Колпаченко приказал Григорию остановиться и, крепко пожав руку, на ходу бросил:

– Молодец, классный ты водитель, Гриша, Шумахер отдыхает! После войны жду в гости!

– Спасибо, Александр Николаевич! Удачи вам и ребятам! – пожелал Гогоберидзе и еще долго провожал взглядом могучую фигуру генерала.

Колпаченко, срываясь на бег, поспешил на командный пункт. Заметив его, офицеры и солдаты подтягивались и живо приветствовали. Он энергично отвечал в ответ, пристально всматривался в их лица и не находил ни растерянности, ни страха. В глазах подчиненных читались решительность и собранность. О появлении Колпаченко доложили на командный пункт, начальник штаба дивизии полковник Дарбинян поспешил ему навстречу, подал команду «Смирно!» и обратился с рапортом:

– Товарищ генерал-майор, личный состав 76-й...

– Здравствуй, Арутюн Ванцикович! – остановил его Колпаченко и задал главный вопрос: – Как настрой личного состава?

– Боевой, Александр Николаевич! Все в строю и готовы к выполнению боевых задач! – заверил Дарбинян и с гордостью подчеркнул: – Даже больные из госпиталя выписались!

– Молодцы, ребята! – с удовлетворением отметил Колпаченко и поторопил: – Так, Арутюн Ванцикович, в двух словах, что мы имеем по состоянию дивизии на этот час?

– Первый полк в полном составе находится здесь и занимается подготовкой к маршу. Второй – в воздухе, расчетное время прибытия в Моздок – 18.00. По третьему и подразделениям обеспечения все расписано на графике, – доложил Дарбинян и, распахнув полог палатки, предложил: – С ним, товарищ генерал, вы можете ознакомиться в оперативном отделении.

В нем кипела работа: оперативники на картах прокладывали маршруты движения колонн; артиллеристы производили подсчет боезапаса; связисты пытались наладить связь. Появление командира офицеры встретили дружным: «Здравия желаем, товарищ генерал!».

Поздоровавшись, Колпаченко занялся изучением боевого расчета, подготовленного оперативным отделением штабом. Сосредоточение дивизии в Моздоке планировалось завершить к 3.00 9 августа и начать марш на Цхинвал. Столь сжатые сроки не смутили Колпаченко – уровень подготовки личного состава и состояние боевой техники внушали ему оптимизм. БТР и БРДМ были на ходу, а те мелкие неисправности, которые возникли на отдельных агрегатах, не влияли на их боеготовность. Что касается организации связи – этого главного нерва армии, то с

ней происходило что-то непонятное. Все попытки связаться с генералом Борисовым и его оперативной группой, находившейся в Южной Осетии, по штатным армейским радиосредствам потерпели неудачу. Колпаченко с недоумением посмотрел на начальника связи дивизии и не удержался от упрека:

– Ну, у вас, как всегда: связь есть, но не работает! – и потребовал: – Товарищ подполковник, доложите, в чем дело?

– Товарищ генерал, такая картина не только у нас. То же самое происходит со связью оперативной группы 58-й армии, что находится в Южной Осетии. Это какой-то Армагеддон... – пустился в объяснения начальник связи дивизии.

– Товарищ подполковник, у нас что, конец света?.. – оборвал его Колпаченко.

– Никак нет, товарищ генерал.

– Тогда нечего рисовать нам апокалипсические картины! – отрезал Колпаченко и распорядился: – Обеспечить мне связь с Борисовым! И обеспечить немедленно!

– Товарищ генерал, мы делаем все, что в наших силах! Но на всех частотах действуют мощные источники радиопомех. Работает только сотовая связь.

– Помехи? А кто их выставил: Саакашвили, американцы?

– Не могу знать, товарищ генерал, скорее всего, американцы.

– Тогда почему работает сотовая? – допытывался Колпаченко.

Начальник связи промолчал и перевел взгляд на заместителя руководителя отдела ФСБ дивизии подполковника Александра Первушина.

– Александр Николаевич, я так полагаю, что противник специально не закрыл открытые каналы связи, чтобы перехватывать наши переговоры, – предположил контрразведчик.

– Специально? Перехватывать? – Колпаченко сбавил тон и согласился: – Похоже, что так.

– Товарищ генерал, в сложившейся ситуации считаю необходимым использовать в переговорах кодовую таблицу «Волга», – предложил Дарбинян.

– Волга, Волга, течет долго, – обронил Колпаченко и в сердцах произнес: – Нет, Арутюн Ванцикович, не пойдет, пока будем шифроваться, война закончится.

– Но других вариантов нет, товарищ генерал, – с горечью констатировал Дарбинян.

– Нет, говоришь? – на лице Колпаченко появилась хитрая улыбка, и он объявил: – Товарищи офицеры, чтобы запутать противника все доклады производить только на командирском языке. Пусть себе на хрен слушают! – и, подмигнув Первушину, спросил: – Контрразведка, как, не против?

Тот тоже улыбнулся и предложил:

– Товарищ генерал, надо только почаще поминать известную мать и, конечно, ваш «ешкин корень».

Начальник связи приободрился, оживились остальные офицеры и посыпали шутками:

– Пусть гады ломают себе головы, какая мать нам помогает. И что это за тайное оружие – «ешкин корень».

Так, на ходу, рождалась новая таблица скрытного управления войсками, при расшифровке которой у противника, в чем можно было не сомневаться, завянут не только уши, а и свихнуться мозги. В оглушительном реве очередного Ила, заходящего на посадку, потонули голоса армейских острословов. На его борту прибыли первая рота и командование второго полка. Колпаченко прервал совещание и отправился их встречать. В ту ночь ни ему, ни Дарбиняну, ни остальным офицерам управления дивизии не удалось сомкнуть глаз. Обстановка в Южной Осетии накалялась с каждой минутой и требовала от десантников максимальной организованности и оперативности.

В 3.00 9 августа 76-я дивизия в полном составе сосредоточилась в Моздоке, чтобы совершить свой знаменитый марш-бросок в Южную Осетию. В 3.05 арьергард во главе с Колпаченко и группой боевого управления начали движение. Вслед за ними двинулись полки и под-

разделения обеспечения. На выезде из Моздока к колонне присоединился батальон «Восток» чеченского спецназа во главе с Сулимом Ямадаевым.

Скрипя сердце Колпаченко и Дарбинян приняли это пополнение, но через несколько километров марша от их скепсиса – управлять чеченской «вольницей», не признающей ничего и никого, кроме Аллаха и кинжала, – не осталось и следа. Среди подчиненных Ямадаева поддерживались железный порядок и суровая дисциплина. Их колонна не нарушала общего ритма движения дивизии. Экипажи БТР и грузовиков с бойцами батальона «Восток» строго держали дистанцию между машинами. В эфире также неукоснительно соблюдалась дисциплина переговоров – Ямадаев обменивался короткими репликами с командирами групп и не позволял ничего лишнего.

Таким пополнением Колпаченко остался доволен. В Южной Осетии, в условиях горной местности, батальон «Восток» – элита чеченского спецназа, имеющая богатый опыт борьбы с боевиками, был незаменим в решении задач по поиску и уничтожению командных пунктов противника и организации засад. Мысленно генерал уже находился в Цхинвале рядом с бойцами подполковника Тимермана и югоосетинскими ополченцами, стоявшими насмерть и не позволявшими врагу завладеть городом и пробиться к Рокскому тоннелю. Он пытался представить положение противника, и перед его мысленным взором возникло, казалось, уже забытое военное прошлое.

Низко нависшее свинцовое небо, исполосованное трассерами пулеметных и автоматных очередей. Выворачивающий наизнанку душу и вгоняющий в землю вой реактивных снарядов. Содрогающиеся от разрывов мрачные развалины Грозного. Чадающие факелы догорающих в каменных джунглях танков и БТР. И тела, множество тел, русских и чеченцев на подступах к площади Минутка, раздавленных гусеницами, истерзанных осколками и голодными собаками. И они – два старика и ребенок, каким-то чудом уцелевшие в этом земном аду, где, казалось, сам воздух был пропитан запахом смерти и лютой ненависти.

Колпаченко тряхнул головой, пытаясь освободиться от ужасов прошлого, и бросил взгляд на часы – стрелки показывали четверть восьмого, и чертыхнулся в душе. Дивизия все больше выбивалась из графика движения, разработанного офицерами оперативного отделения. Ей приходилось буквально продираться через хаос, царивший на дороге. «Воевали на бумаге, да забыли про овраги», – с горечью подумал Колпаченко и обратился к Дарбиняну.

– Арутюн Ванцикович, надо что-то делать! С таким темпом движения мы и за сутки до места не доползем.

– Почти на час выбились из графика, – констатировал тот.

– Дальше еще хуже будет: упремся в хвост колонны 58-й армии.

– По мобплану она должна находиться в Южной Осетии.

– Плану?... – болезненная гримаса исказила лицо Колпаченко, и он с ожесточением произнес: – Если по тем, что сочиняют в Генштабе, то нашей дивизии положено быть за тысячи километров отсюда.

– Действительно, почему подняли нас, а не тульскую? – задался вопросом Дарбинян.

– Арутюн Ванцикович, давай не будем гадать, наше дело воевать. Надеюсь, 58-я прошла Рокский тоннель.

– Я тоже. Говорят, командующий СКВО генерал Макаров не стал ждать приказа министра, и сам двинул войска в Осетию.

– Молодец, правильно сделал! А то с нашими паркетными полководцами страну можно просрать. Так что, Арутюн Ванцикович, на Генштаб надейся, а сам... – Колпаченко осекся.

Водитель командно-штабной машины резко ударил по тормозам и взял в сторону, чтобы не врезаться в головную БРДМ. Перед ней бушевала возбужденная толпа. Сотни добровольцев – осетин, терских казаков, чеченцев, дагестанцев, взяв в плотное кольцо Колпаченко, Дарбиняна и Ямадаева, требовали от них только одного: выдать им оружие и взять с собой. Самые

горячие, вооруженные охотничьими ружьями, не дожидаясь разрешения, на своих внедорожниках и УАЗах попытались втиснуться в походную колонну десантников. В этом гвалте Колпаченко и его офицеры сорвали голоса, уговаривая добровольцев освободить дорогу и дожидаться подхода частей обеспечения 58-й армии, чтобы вместе с ними идти на подмогу в Южную Осетию. Добровольцы их просьбам вняли и освободили дорогу.

Колонна продолжила марш, но с каждым километром его темп становился все ниже. Потоки беженцев, волна за волной, накатывали на десантников и тормозили их продвижение. Колпаченко вынужден был выдвинуть вперед машины с самыми опытными экипажами. Водители, где маневром, а где броней, сдвигали на обочину все, что мешало движению. Но это мало помогало. На дороге царила стихия, и колонна с черепашьей скоростью продолжала ползти вперед, пока не попала в огромную автомобильную пробку. Попытки инспекторов ВАИ и ГИБДД навести в движении хоть какой-то порядок ничего не давали. Ситуацию до предела осложнила авария – армейский КамАЗ столкнулся с тяжелогруженной фурой. Попытки растащить машины ни к чему не привели.

Колпаченко, Дарбинян и Ямадаев с трудом пробились сквозь наэлектризованную до предела толпу к месту аварии. Их глазам предстала удручающая картина. КамАЗ от удара развернуло на 90 градусов, и он капотом вклинился в расщелину. Положение фуры было и того хуже: от падения в пропасть ее удерживал выступ на карнизе. Одно неловкое движение, и машина рухнула бы вниз, но это не остановило хозяина и его родственников – они, рискуя собой, вытаскивали из кузова домашний скраб. Гора вещей расплзалась по дороге, и это вызывало глухой ропот в толпе. Она, подобно грозовой туче, наливалась гневом, и в адрес хозяина фуры раздались угрозы. Самые горячие принялись спихивать вещи в пропасть. Между ними и семьей завязалась потасовка. Расправу над хозяином фуры и его родственниками предотвратил Ямадаев. Он вскинул автомат и дал очередь поверх голов.

Гулкое эхо пошло гулять по ущелью. Толпа присмирела и отхлынула к скале. В наступившей тишине стал слышен грозный гул реки, зажатой в каменных теснинах, сквозь него прорывались рыдания жены хозяина фуры и плач детей. Прячась за его спину, они с ужасом смотрели на Ямадаева. Он закинул автомат за плечо и шагнул к хозяину фуры. Тот попятился, по его одутловатому лицу ручьем струился пот, а толстые поросшие густыми волосами пальцы, сжимавшие монтировку, побелели на костяшках.

– Брось железку! – потребовал Ямадаев.

Под его грозным взглядом каплеобразная фигура хозяина фуры съежилась, слово спущенный мяч, руки плетью обвисли к земле, пальцы разжались, монтировка выпала и, звякнув о дорогу, скатилась в кювет. Ямадаев бросил на него презрительный взгляд и, сплюнув под ноги, потребовал:

– Отвали от фуры! – затем обернулся и окликнул: – Ахъяд?

– Я здесь, Сулим, – откликнулся тот и выглянул из люка механика-водителя БТР.

– Вали эту телегу с барахлом в пропасть.

– Понял, командир! Один момент, – заверил Ахъяд и исчез в люке.

БТР взревел двигателем.

– Стойте, остановитесь! Что вы делаете? Как мне жить? Чем мне кормить детей?! – взмолился хозяин фуры.

– А в Цхинвале что, не дети!? Шкура! – взорвался Ямадаев и крикнул: – Давай, Ахъяд!

Тот резко прибавил газу. БТР сшиб фуру с утеса в пропасть. Ее хозяин и его родственники зашлись в столах и рыданиях. Колпаченко и Ямадаеву было не до них – война диктовала свои правила. На ее безжалостных весах имели цену только жизнь и победа. Через 10 минут порядок на дороге был восстановлен, и колонна продолжила марш. Выбравшись из автомобильного капкана, Колпаченко перешел к решительным действиям. Все, что мешало движению, решительно сдвигалось на обочину или безжалостно сбрасывалось в пропасть. Его мысли

были подчинены только одной цели – выиграть гонку со временем, чтобы спасти тех, кто уцелел в Цхинвале, и не дать врагу закрепиться на захваченных позициях.

Через двенадцать километров темп марша снова резко упал, колонна десантников уперлась в хвост обоза 58-й армии. Здесь у Колпаченко с Дарбиняном уже не хватало крепких слов в адрес тех армейский чиновников, кто бодро рапортовал в Генштаб о высокой боевой готовности ее частей. На поверку оказалось – их рапорта не стоили гроша ломанного: за рулем многих машин вместо бумажных профессионалов-контрактников оказались реальные солдаты-срочники, имевшие за спиной лишь курс молодого бойца. Сама техника, простоявшая большую часть времени на колодках в ангарах, сыпалась на каждом километре. Задранные кверху капоты и торчащие из-под них засаленные задницы без вины виноватого водителя и техника-механика, материвших на чем свет стоит ремонтников, свидетельствовали только об одном – от некогда могучей Советской армии осталась лишь ее бледная тень.

Колпаченко старался не думать об этом и о том, что ждет его и его подчиненных впереди. В душе он молил только об одном: успеть прорваться к Цхинвалу и не дать закрепиться в нем противнику. Позади остался Рокский тоннель, и десантники, наконец, смогли увеличить темп марша. Отбиваясь от наскоков грузинских диверсионных групп, они глубокой ночью пробивались к северной окраине югоосетинского села Джава. В нем разместился временный объединенный КП российских войск и югоосетинских ополченцев. Там Колпаченко встретил Борисова, командующего СКВО Макарова и президента Республики Южная Осетия Кокойты.

Их лица были сосредоточены, они пытались разобраться, где находится противник, какими силами и по каким направлениям атакует. К сожалению, отсутствие надежной связи не позволяло составить целостной картины. Информация, поступающая на КП от разведгрупп, носила отрывочный и противоречивый характер. Что касается Генштаба, то он был не помощник и оставался глух к запросам Борисова и Макарова. Главное оперативное управление Генштаба – мозг армии, вовлеченное в очередную кабинетную реформу, переезжало из одного здания в другое. Пресловутый план боевого применения Вооруженных Сил России затерялся в каком-то из сейфов. Воздушная разведка также не дала результатов. Самолет-разведчик, поднятый в воздух, был сбит ПВО Грузии, что стало полной неожиданностью для Генштаба. В Москве не предполагали, что на вооружении грузинской армии могут оказаться системы «Бук-М», а за пультами управления – дежурить опытные расчеты специалистов с Украины. Еще хуже, чем в воздухе, складывалась обстановка на земле: здесь царил полнейший хаос.

Колпаченко с сочувствием смотрел на Борисова. От недосыпания его глаза покраснели как у рака, лицо приобрело землистый цвет, а щеки покрывала густая щетина. Он, как в цирке, менял один сотовый телефон на другой, осип от крика, и уже кроме мата в адрес армейских чинуш, засевших в московских кабинетах и терзавших вопросами: как, где, почему? – у него ничего другого не осталось. Появление Колпаченко прибавило настроения Борисову. Послав куда подальше очередного верхогляда из Генштаба, он отключил все телефоны и перешел к делу – постановке боевой задачи 76-й дивизии.

Она была на грани возможного: с ходу, в условиях сложной горно-лесистой местности, когда о противнике почти ничего не известно, десанникам и батальону «Восток» предстояло двумя кинжальными ударами прорвать его боевые порядки и сомкнуть свои клещи в десяти километрах южнее Цхинвала. В дальнейшем, после выхода на основной рубеж, необходимо было блокировать дорогу на город Гори и не допустить подхода свежих сил из глубины Грузии.

Исходя из этих задач, оперативное отделение штаба дивизии и Ямадаев на ходу приступили к разработке замысла операции, и, когда он был готов, Дарбинян вызвал на совещание начальников служб дивизии, командиров полков и батальонов. Колпаченко внимательным взглядом прошелся по их лицам, они были суровы и сосредоточены. Все хорошо понимали: времени на глубокую разведку не осталось, каждый потерянный час множил жертвы среди

их боевых товарищей, отчаянно сражавшихся в Цхинвале, и потому были готовы немедленно вступить в бой. Дарбинян положил перед Колпаченко боевой приказ, и тот распорядился:

– Арутюн Ванцикович, доведи задачи до командиров!

Дарбинян зачитал приказ и положил в папку. Наступила тишина, взгляды офицеров снова обратились к Колпаченко. На его командирские плечи легла тяжкая ноша – распорядиться их жизнями. За последние двадцать лет ему приходилось делать это десятки раз. И сегодня в последние минуты, отделяющие жизнь от смерти, он старался найти такие слова, которые бы укрепили веру подчиненных в себя и заставили забыть о страхе.

– Товарищи офицеры! Ребята! Это не просто бой! Это бой за наших товарищей, – произнес Колпаченко, сделал паузу – в глазах подчиненных не было тени сомнений, и продолжил: – Они стоят насмерть в Цхинвале! Они верят – мы придем на помощь! Это не просто бой – это бой за наше будущее! Если мы сегодня дрогнем, то завтра подонки, начавшие эту подлую войну, принесут ее в наш дом! Жизнь у каждого одна, но мы выбрали профессию – Родину защищать! Поэтому с честью выполним свой долг перед товарищами, собственной совестью и Россией! Я верю в вас, товарищи офицеры!

Закончив свое эмоциональное выступление, Колпаченко прошелся взглядом по лицам подчиненных – на них читалась готовность без колебаний выполнить его приказ, задержал взгляд на командире разведроты капитане Шишове. Ему первому предстояло повести в атаку своих подчиненных, и, обращаясь к нему, Колпаченко скорее просил, чем приказывал:

– Денис, от тебя и твоих ребят многое зависит. Выбить негодяев с их позиций – это уже половина общего успеха. Вложите в удар все что есть! Все!

– Есть! – коротко ответил Шишов и заверил: – Мы прорвемся к Цхинвалу, товарищ генерал!

– Я очень на вас надеюсь. Очень, Денис, – повторил Колпаченко и, согрев его взглядом, снова обратился к Дарбиняну: – Арутюн Ванцикович, со второй группой прорыва определились?

Тот, помедлив, ответил:

– Есть два варианта: первая рота или батальон «Восток»!

– Командир, пойдем мы! – категорично отрезал Ямадаев и, грозно сверкнув глазами, заявил: – Там убивают наших братьев. Подлые шакалы должны ответить за все!

– Хорошо! – согласился Колпаченко и, заканчивая совещание, напомнил: – Товарищи командиры! Еще раз обращаю ваше внимание: никакой штурмовщины и никакого фанатизма! Все решения принимать на холодную голову. Патронов не жалеть, их хватит! Главное – берегите людей!

Теперь, когда все было сказано и отданы последние приказы, пришло время действовать. Первыми растворились в ночи бойцы Шишова и спецназовцы батальона «Восток». Вслед за ними на исходные рубежи двинулись полки. На КП дивизии воцарилось напряженное ожидание. Прошло двадцать минут и со стороны, куда ушла рота Шишова, донеслась перестрелка. Она закончилась так же быстро, как и началась. Его передовой дозор столкнулся с неизвестно как оказавшейся здесь разведротой 58-й армии. Очередная неразбериха в боевом управлении вывела Дарбиняна из себя.

– Александр Николаевич, опять «лебедь, рака и щука»?! – взорвался он.

– Не горячись, Арутюн Ванцикович! Слава Богу, обошлось без потерь, – остудил его Колпаченко, а в душе у самого все кипело от возмущения: «Когда же наверху разберутся?! Сколько можно наступать на одни и те же грабли?»

Прошло еще несколько невыносимо томительных минут, и снова с направления, где шла на прорыв рота Шишова, донеслась перестрелка. Она приобретала все более ожесточенный характер, его подчиненные все глубже вгрызались в оборону противника. Яростный бой завязался и там, где наступал батальон «Восток».

Дарбинян нервно теребил сотовый телефон и торопил Колпаченко:

– Александр Николаевич, пора вводить в бой основные силы! Пора!

– Нет, Арутюн Ванцикович, рано, ждем! Пусть противник обнаружит все свои огневые точки.

Накал боев на обоих направлениях стремительно нарастал. Багровые всполохи рвали и терзали ночную темноту. Между разрывами снарядов и мин была слышна все усиливающаяся пулеметная и автоматная стрельба. Колпаченко внимательно вслушивался в эту страшную, чудовищную какофонию войны, чтобы не пропустить тот, только ему одному известный, момент, когда на чаши весов жизни и смерти надо положить души своих подчиненных. Его взгляд был прикован к горам и отмечал артиллерийские и минометные позиции противника. Разведка боем дала свой результат. Он сбросил с плеча автомат, передернул затвор и коротко бросил:

– Все, Арутюн Ванцикович, пришла наша очередь! Я иду с первым полком, ты – со вторым!

– Есть! – ответил Дарбинян и принялся торопливо запихивать карту в полевую сумку.

– Бог войны, ты где? – окликнул Колпаченко начальника артиллерии дивизии.

– Здесь, товарищ генерал, – выступил тот из темноты.

– Успел нанести позиции артиллерийских и минометных батарей противника?

– Так точно, товарищ генерал!

– Тогда сверим время, – Колпаченко посветил фонарем на свои часы и объявил: – На моих 5.17! Ровно через 15 минут открыть огонь со всех стволов и подавить батареи противника.

– Есть! – ответил начальник артиллерии и засел за полевой телефон.

– Вот теперь все, Арутюн Ванцикович, пошли, – распорядился Колпаченко и, хватаясь за кусты, чтобы не упасть, заскользил по склону.

Дарбинян и порученец Колпаченко, старший прапорщик Смирнов, бросились вдогонку за генералом. Молодые, юркие они быстро обошли его. Колпаченко с трудом удерживал равновесие на покрытых росой и скользких как лед камнях, чертыхался, но угнаться за ними не мог и, не выдержав темпа, воскликнул:

– Ребята, сбавить обороты!

– Александр Николаевич, не успеем, всего 15 минут! – напомнил Дарбинян.

– Арутюн Ванцикович, не поднимай паники!

– Я, паники?! Как, товарищ генерал?! – опешил тот.

– А вот так, Арутюн! Бегущий полковник, я не говорю про генерала, ничего кроме паники внушить своим подчиненным не может, – добродушно заметил Колпаченко и, отдышавшись, прибавил шаг.

У развилки дорог их пути разошлись. Дарбинян поспешил во второй полк, а Колпаченко со Смирновым – в первый.

Они обогнули скалу, и их оглушила стрельба. Это разведчики Шишова штурмовали позиции противника. Смирнов выскочил вперед, чтобы собой закрыть генерала от шальных пуль. Тот одернул его за руку и рывкнул:

– Саня, ты, куда поперек батьки?!

– Так, это, Александр Николаевич, стреляют! Вдруг...

– Никаких вдруг! Прикрой мне тыл! – потребовал Колпаченко и выступил вперед.

Преодолев ручей, они выбрались на поляну. Рядом с ней в расщелине находился КП первого полка. Его командир полковник Геннадий Анашкин доложил о готовности к атаке и горел желанием поскорее начать ее. Колпаченко понимал его состояние – каждая секунда, минута уносила жизни разведчиков Шишова, и ждал, когда вступят в бой артиллеристы.

Стрелки на мгновение застыли на цифрах 5.32, и земля содрогнулась. Артиллерия дивизии открыла ответный огонь по позициям противника. После короткой, но мощной артподготовки в небо взвились две зеленые ракеты, и полки поднялись в атаку. Это было дерзкое и устрашающее по своей ярости и стремительности наступление десантников и бойцов батальона «Восток». Проломив первую линию обороны грузинских войск, они, не встречая серьезного сопротивления на своем пути, ринулись вперед. Противник обратился в паническое бегство.

Ранним утром передовые подразделения 76-й дивизии вышли к стратегически важной дороге: Цхинвал – Гори – Тбилиси. Перед глазами Колпаченко и его подчиненных предстала картина разгрома грузинской армии. По обочинам и на дороге до самого горизонта валялась брошенная военная техника: танки Т-72, БТР, грузовики, ящики с боеприпасами. О самих хваленных грузинских рейнджерах, о которых без усталости трубили тбилисские СМИ, напоминало разбросанное повсюду натовское военное обмундирование. Одно лишь появление русских десантников и бойцов батальона «Восток» вызвало в их рядах неопиcуемый ужас. Ища спасения, они срывали с себя форму и переодевались в «гражданку». Те, кому не удалось добыть штанов и рубашек, бежали в одних трусах.

Десяток трясущихся от страха горе-воjak, тех, кто не успел унести ноги, подчиненные капитана Шишова обнаружили в заброшенном свинарнике и передали для разбирательства контрразведчикам Первушина.

Теперь, когда кольцо окружения вокруг грузинских войск замкнулось, а подход резервных сил со стороны Гори был наглухо перекрыт, Борисов, Колпаченко, Первушин и Ямадаев снова собрались вместе, чтобы обсудить план дальнейших действий. Информация, поступившая к ним от передовых разведгрупп, выдвинувшихся в район Гори и военной базы 4-й пехотной бригады, говорила: паника, подобно чуме, охватила не только армейские части, а и полицию со спецслужбами. Все что могло ехать и катиться устремилось из Гори в Тбилиси.

Путь на столицу Грузии был открыт. Боевой азарт, охвативший Борисова, Колпаченко и Ямадаева, порождает соблазн одним стремительным марш-броском достичь Гори и дальше пробиваться к Тбилиси. На эти их предложения из Генштаба доносилось лишь невнятное мычание, там не могли поверить в столь быстрый и ошеломляющий успех. Заскоружные мозги паркетных военачальников с трудом переваривали свалившуюся на них победу. Поэтому Борисову, Колпаченко и Ямадаеву ничего другого не оставалось, как воспользоваться паузой и дать передышку подчиненным. Измотанные не столько боями, сколько тремя бессонными ночами и изнурительным маршем из Моздока в Южную Осетию, они на ходу засыпали и валялись с ног. Колпаченко, выставив боевое охранение на высотах, распорядился: «Всем спать! Три часа!»

Прошло нескольких минут, и огромное кукурузное поле исчезло под колесами машин и телами четырех с лишним тысяч бойцов. Они сделали все, что было в их силах и даже больше: своей победой дали карт-бланш российским политикам поставить на место зарвавшийся, самонадеянный Запад. Этой победой они сказали всему миру: «Многострадальная, брошенная в нищету и все-таки непобедимая Русская, Советская, Российская армия жива и способна дать отпор зарвавшемуся агрессору».

Сделав свое великое дело, они, офицеры и рядовые, спали крепким сном. Шаловливый ветерок беспечно гулял по дороге, разметал по кустам грозные приказы, инструкции, указания грузинских военачальников. Они уже не несли смерть, они стали просто клочком серой бумаги. Ветерок ласково играл буйными кудрями сладко посапывавших русских пареньков – вчерашних школьников, закручивал щеголеватый ус молоденького лейтенанта, одержавшего свою первую боевую победу, зарывался в густой, обильно посыпанный ранней сединой, ежик Дарбиняна и нежно щекотал богатырскую грудь Колпаченко. Это была потрясающая по своей выразительности картина – картина, достойная гениальной кисти великого мастера Александра Верещагина.

Спал и Первушин – спал мертвецким сном. Попытка старшего оперуполномоченного майора Дроздова разбудить его ни к чему не привела. Он решил использовать последнее средство – и, склонившись к уху Первушина, прошептал: «Сорок пять секунд. Подъем!» Эти четыре магических слова произвели чудо. Первушина, как на пружинах, подбросило над землей. За пять лет учебы в Академии ФСБ эта команда навсегда вошла в его подсознание. Присев, он осоловело захлопал глазами, и когда они, наконец, открылись, то не поверил тому, что увидел. Рядом с Дроздовым стоял живой из плоти и крови заместитель руководителя Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-майор Юрий Шепелев. За его спиной стеной выстроились три «качка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.